

Александр Антонов

Не ангел я...

«РИПОЛ Классик»

2008

Антонов А. И.

Не ангел я... / А. И. Антонов — «РИПОЛ Классик», 2008

Александр Антонов ворвался в поэзию стремительно. Пройдя годы безвременья, накопив за это время эмоции, опыт, сориентировавшись в координатах художественного мира, поэт предстал перед нами настоящим носителем высокого поэтического духа, мужественным писателем и тонким лириком, ощущающим и берущим на себя всю ответственность творца за мироздание. У Александра Антонова сейчас лучшая поэтическая пора. Надеюсь, что талант мастера поэтического слова приведет его к новым духовным и художественным вершинам. Максим Замшев, секретарь Правления Союза Писателей России, главный редактор журнала «Российский колокол»

Содержание

Вместо предисловия	5
Слепая музыкант	7
В радуге любви	19
Я живу среди пороков	22
Покуда ты есть...	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Иванович Антонов

Не ангел я...

Вместо предисловия

Рожден когда-то в маленькой Дрезне —
Туда я и вернусь с последним вздохом.
Как жизнь я прожил? Что там врать —
неплохо
И «заодно с другими на земле».

Мой дед был пулеметчиком в войну,
А бабушка – учительницей в школе.
Люблю, когда гуляет ветер в поле,
Порывами целуя тишину.

Родители – те в бабушку пошли:
В призвании историками были
И слишком горячо меня любили.
И слишком рано в небеса ушли.

Еще был брат. Теперь его уж нет.
Я чувствую свою вину пред Богом.
И пусть у каждого в пути своя дорога,
Они – не заслужили этих бед.

А я за них остался. Я – один.
Я жить остался – слишком я упрямый.
Пусть сам не раз смотрел в лицо
костлявой,
Но, слава Богу, дожил до седин.

Не раз судьбы пыталась рваться нить.
И если б ни любовь моя-каприза,
Такого многолетнего круиза
По речке жизни мне б не совершить.

Коль выпало родиться на Руси —
И без наград считай себя героем.
Мы здесь столетьями уже такое строим!..
Да получается вот – Боже упаси...

Читатель мой, на рай не уповай —
Готов ли сердцу проявить отвагу?
Аз есмь пиит... Я спрятал боль в бумагу!
Не жаль себя? Ну что ж, тогда – читай:

Слепая музыкант

*Цените каждое мгновенье:
Листок и карандаш в руке,
Строку, мотив, стихотворенье,
Зарю на утренней реке.
Мелодию и размерность слога.
И мысленный полет к звезде.
И жизнь, нам данную от Бога,
Неповторимую – нигде.*

Опять в душе переполох.
За что обидели бедняжку?
Жаргонное словечко «лох»
Я примеряю, как рубашку.

Там, где вчера благоухал
Цветами яблонь сад весенний,
Своим измученным стихам
Сегодня я ищу спасения.

Напрасно длится вечный спор,
Дразнящий бытие с сознанием.
Век новый приоткроет створ
К очередному непознанию.

И, неопознанный в веках,
С одной строфой лишь в вечном
флирте
Брожу я по земле в стихах —
В тревожном рифмо-лабиринте.

И не пойму: куда иду?..
И разговоры – сплошь раздоры...
Все яблоки в моем саду
Сегодня оборвали воры.

Жизнь – театр: от нищеты – до лоска...
И сердца стук – то в ритм, то не в такт.
Шестой десяток не схожу с подмостков,
Доигрывая свой последний акт.

Спустилась ночь – тревожная, густая:
Как будто в ней спрессованы века.
И стонет моя комната пустая
Под сводами немого потолка.

И рвутся нити близости духовной.
Хоть волком вой. Хоть филином кричи.
Пусть не женой – любовницей греховой
Осмелишься ли властвовать в ночи?

Опрокинулось облачко в речку —
Разлохматились космы его.
До чего ж нелегко человечку,
Если рядышком нет никого...

По цветущему летнему лугу
Шмель танцует, сердито гудя.
Позабыть ли сердечку подругу,
Если рана свежее дождя?

Гаснет солнце, на западе тая.
Скоро новая вспыхнет заря.
А душа, как калека слепая,
Жить не в силах без поводыря.

Слепой музыкант на Таганке
Поет в переходе метро.
Весь мир для него – наизнанку,
Где свет – там чернеет нутро.

Привычно работают руки,
По клавишам пальцы снуют.
И голоса чистые звуки
О радости жизни поют.

Жестянка стоит перед нищим.
Не скуп к подающим народ —
Нет-нет да ударит о днище
Ненужной монетки аккорд.

Он каждого голосом обнял —
Здесь каждый из нас ему зрим!
Я многое дал бы за облик,
В котором предстал перед ним.

От старости или от пьянки
Уйду. Но душа не умрет —
Слепой музыкант на Таганке
О ней в переходе поет.

Когда я буду уходить,
Смени на хрупкую улыбку
Гримасу боли. Счастье зыбко...
Не стоит по нему скорбеть.

Когда растерянной рукой
Меня не обнаружишь рядом,
Мой друг, печалиться не надо
О том, что я обрел покой.

Когда в июньскую грозу
Душа потянется к страданиям,
Любовь моя, смахни слезу
И улыбнись воспоминаньям...

Мы встретимся с тобой на небесах.
В моих глазах уже не вспыхнут слезы,
И все твои земные мне угрозы
Заблудятся в тех райских чудесах.

Не вспомню уж – вот чудные дела!
Никак, опять напьюсь я с сатаной...
Я был твой муж? А ты? Моей женою?
А может быть, любовницей была?

Хоть убегай. Хоть прячься ты в лесах —
Напрасен труд. Ведь не обманешь
сердца —
И никуда уж от меня тебе не деться,
Коль встретимся с тобой на небесах...

Астраханская трасса —
Ста смертей полигон...
За штурвалами асы.
Все летят как в угон.

Газу в пол до упора.
Если выжил – герой.
Только брата-шофера
Ты, смотри, не урой.

Прояви состраданье,

Если сердце в груди:
Не слепи меня дальним,
И в подрез не ходи.

Тормози – да не резко!
Что ж так шины визжат?
Не колдобины – фрески
На бетонке лежат.

Колесо – как рулетка!
Да венков краснотал...
Со времен наших предков
Здесь никто не латал

Этой страшной дороги —
Что ни яма, то – пасть!
Помогите мне, боги,
Не дайте пропасть...

Я в огни габаритов
Мертвой хваткой вцеплюсь.
Я вернусь неубитым.
Непременно вернусь!

Вот Он – крылья расправил —
Тот, Кто правит с небес.
Мы играли без правил,
И не ждали чудес.

И не раз на обгоне
По ущербной луне
Холодели ладони
На горячем руле.

Только зря надо мною —
Всех степей старожил —
Той порою ночью
Черный ворон кружил.

Я ли заговоренный?
Или Бог меня спас?
Или ты – пред иконой —
Молилась за нас?

Воронья у обочин —
Смоляная зола...
Видно, ночка не очень
У тех пташек была.

Милый друг, не печалься.
Просто – жди. Я вернусь.
Астраханская трасса...
Непонятная Русь...

Когда помру, клянусь: не буду
Тебя, любимая, пытаться —
Ни плеч твоих волшебных чудо,
Ни губ, ни рук твоих ласкать.

Когда помру, клянусь: не стану
Дразниться рюмкою вина.
Но, жив пока, не перестану
С тобою счастье пить до дна.

Когда помру, клянись ты тоже
Мне в гроб слезинку уронить.
Никто, любовь моя, не сможет
Так нежно боль твою любить.

Сколько пройдено дорог:
Взрослым стал уже сынок.
Я б пожил еще немного,
Да не в шутку занемог.
Соберусь в последний путь,
Припаду земле на грудь.
Разогнались мои кони,
Их назад не повернуть.

По последнему пути
Самому мне не пройти.
Позову друзей на помощь —
До могилки донести.
А как кончат хоронить,
Не забуду угостить —
До краёв по старым кружкам
Вина горького налить.

Это горькое вино
На погибель мне дано.
Как любовь хмельную, пью я
Это горькое вино.
Кого хочешь расспроси —
Так сложилось на Руси.
Ты прости меня, мой Боже,

Душу грешную спаси.

В кольце папиросного дыма
Во взгляде твоём утону.
Прощу, что я не был любимым,
И, может быть, даже пойму.

Распятием руки раскину, —
Господь, отпусти мне грехи:
Любовь запоздалую к сыну,
Невыплаканные стихи.

Не знаю, — я был или не был
На этой кратчайшей из трасс...
Что жизнь? Это был или небыль?
Никто не ответит из нас...

Тому при жизни памятник поставлю,
Кто тайну смерти сможет разгадать.
Но в золоте часов вам не оставлю
Минут ночных немую благодать.

В того влюблюсь, кто в этом бренном
мире
На циферблате крест перечеркнет,
И, боль души отдав заветной лире,
Себе, хотя б однажды, не соврет.

Но есть ли в мире человек такой,
Кто ценит истину дороже, чем покой?

Когда-нибудь я успокоюсь,
И прекращу ненужный бег.
Склонюсь Всевиद्याщему в пояс,
Взмолюсь: прими, прошел мой век.

Когда-нибудь я отрыдаю,
Отобнимаю, отдышу.
Но до сих пор еще мечтаю,
Влюбляюсь, мучаюсь, пишу...

Когда-нибудь я отболею.
Когда-нибудь я отпою.

От диких ласк не захмелею,
И слез признанья не пролью.

Когда-то, вопреки желанью,
Я не уткнусь в ладонь Любви.
Но ты не плачь. Ты в подсознание
Лишь имя тихо назови.

Я обожаю все, что мне нельзя:
Холодный ветер раннего апреля,
Застолье, где бесчинствуют друзья,
Их речи, сплошь хвастливые от хмеля.

Я обожаю женщин и вино,
Люблю коньяк, что вреден для давления;
Порою я покуриваю, но —
Лишь в те часы, когда гнетут сомненья.

Мне нравятся глаза твои в плену
Густых ресниц – родных сестреночек
грима.
За что же, Господи, я чувствую вину —
Ведь невиновен. Нет измен. Всё – мимо.

Я обожаю холод на реке
И хрупкость льда под сталью ледобура.
Я обожаю карандаш в своей руке,
Когда меня пытается рифма-дура.

Я обожаю добрый, честный взгляд:
Он ранит меня в сердце откровеньем.
Вот так вот и живу я: наугад —
Виной,
любовью,
женщиной,
сомненьем.

Грустишь? Замучили болезни?
Забыли все о старике?
Послушай, друг, а не полезней
Пройтись по утренней реке?

И, выпив капельку рассвета,
Понять, что жизнь – не за чертой.
И благодарным быть за это

Судьбе своей – пусть не простой,

Порой не сахаром кормившей,
Порой хлеставшей по щекам.
Любви твоей святой забывшей,
Ходящей по чужим рукам.

Потом вернувшейся, холодной,
С печалью тихой. По ночам,
Густой рябиной черноплодной,
Клонящейся к твоим плечам.

Опять печалишься о роке,
За жизнь уставшем от вранья?
Давай, назначь себе все сроки...
Вот будет праздник воронья!

Не прекращай сопротивляться,
Неистовствовать, жить, страдать!
Ты слишком стар – за жизнь бояться.
Ты слишком молод – умирать.

Куда нам складывать года?
Мы их так много накопили,
Что, не скупясь бы, уступили
Десятка два. Да вот беда:
Ни задарма, ни в счет монет —
Никто не хочет наших лет.

Зачем нам глупости копить?
На эту старую монету
Ни индульгенций не купить,
Ни милым передать приветы.
Но все равно: что ни денек —
Полней ошибок кошелек.

Кто нам ответит: для чего
Мы рождены на этом свете?
Мы люди. Только и всего.
И подрастают наши дети
Не для того ли, чтоб опять
Ошибки наши повторять?

Луна зажглась фонариком печальным,
Осенний сумрак лижет груди туч,

Смешная звездочка, колечком
обручальным,
Нет-нет да упадет с небесных круч.
Я не один: в гостях – плохие мысли.
К визитам их привык уж я теперь;
Они тенями хмурыми повисли,
И кто-то злой царапается в дверь.
Что, приползла, уродина кривая,
Не нажралась за тысячи веков?
Откуда ты взялась-то, дрянь такая,
Что требуешь жаркого – из стихов!
Ну, что ты там застыла в удивленье?
Таращишь дырки черные в упор.
Не испугаешь, адское виденье,
Ты – не судья мне. Да и я – не вор.
В пути явлений я встречал немало —
Не самое ты лучшее из них.
Когда б ты только, дура, понимала,
Что значит для меня явление – стих!
Оно прекрасней всех других явлений!
Ну, что ты там задумала? Твори.
Нет! Дай еще хоть сто стихотворений...
Все остальные – черт с тобой! – твои.

Взгляни мне в лицо —
Через тысячи лет!
В знакомых чертах – никого
не узнаешь?
Неважно совсем, что меня
уже нет...
Поверь мне: я – рядом,
Когда ты читаешь
Исчерканный строчками белый
листок
И слышишь
Загадочный шепот страницы,
И чувствуешь нервом,
Как будто бы ток
По венам твоим пробежал,
Чтобы слиться
С далеким мгновеньем из
прошлых веков...
Взгляни мне в глаза.
Вдруг на фото старинном —
Откуда ж она проявилась? Слеза...
Быть может, ты плачешь?
Да нет же. Наивно

В твой век прагматичный,
компьютерный век
Лить слезы зачем-то.
А ты – симпатичный...
Взгляни мне в глаза,
Ведь и я – человек!
Я здесь не старею уже год
за годом...
Ни жизни, ни смерти —
Давно уже нет...
А ты мне не скажешь,
Откуда ты родом?
Кто предки твои, что витают
во мгле,
И где они жили на этой земле?..
Взгляни мне в лицо.
Не пугайся, не надо.
Я вижу теперь:
Ты себя узнаёшь.
Так вот она —
Вечности мудрой награда:
Постигнуть, что ты никогда
не умрешь...
И в чертах размытых чужого
лица
Почувствовать кровь своего
праотца...

Ворчливый учитель, —
Бачурин Евгений, —
Стихов сочинитель, —
Ты мудрый старик.
Недаром же я,
Разомлев от волнений,
Седой головой
К твоей строчке приник.

Картин рисовальщик, —
Евгений Бачурин, —
Судьбы шифровальщик, —
Кроссворд для умов.
Напрасно всю жизнь
Так безумно хочу я
Укрыться под тенью
Твоих деревьев.

Маэстро гитары, —

Бачурин Евгений, —
Тебе я не пара, —
Мой строгий кумир.
Не каждое имя
Приемлет твой гений.
Не каждого впустит
В аккордовый мир.

Струна натянулась.
Накал напряженья
Критической точки
Почти что достиг.
Вот лопнет струна —
И затихнет сражение
За жизни
Длиной в человеческий миг.

Не в тесной квартире —
В космическом мире,
Гораздо громадней
Масштабов страны, —
Я знаю: мы встретимся
Там, в перспективе,
Вдвоем
У разорванной смертью струны.

Еще не рассвет, но уже и не ночь.
У ста тысяч звезд батарейки садятся.
Пытаюсь предутренний сон
превозмочь.
И мысли мои никуда не годятся.

Чего там ворчит под капотом мотор?
И сердятся за ночь уставшие шины...
Давно я родился и с тех самых пор
Не мыслю себя без дорог, без машины.

Из утренних сумерек дышит туман.
Вот столько бы деду нагнать
самогона!..
Я каждую ночь напивался бы пьян
И пел для тебя – да похлеще
Кобзона!

Но вот уж погасли небес фонари,
И вырвалось утро из плена тумана.
А хочешь – спою я тебе о любви,

О чистой любви. О любви без обмана!

А хочешь – тебе на подушку луна
Подарком моим упадет – что такого?
А хочешь воскликну я: «Здравствуй,
страна!
Я – Сашка! Я твой гражданин
бестолковый!»

И пусть до финала осталось —
верста, —
Заплачет то утро, когда я не встану,
Но, жив я покуда, шепчите уста
То имя, что век я любить не устану.

Мне вчера не хватило сотки...
А сегодня – хана нутру!
Не давайте мне больше водки —
Я помру от нее к утру...

Пел я песни вчера молодке...
А сегодня припев мой – смерть!
Не давайте мне больше водки —
Не могу на нее смотреть...

Я с утрянки не то чтоб кроткий...
С перепоею трясется рань!
Не давайте мне больше водки —
Ненавижу я эту дрянь...

Я набрался вчера до глотки...
Знать, тот корм – не в того коня!
Не давайте мне больше водки —
Если любите вы меня...

В радуге любви

*Живите – сегодня.
Любите – сейчас.
А завтра?.. Наступит —
Так будете рады,
Что можно влюбиться
Еще один раз.
А большего нам
И не надо.*

Что есть любовь? Чуть различимый шорох,
Подслушанный в полночной тишине?
Легко воспламеняющийся порох
В не начатой еще тобой войне?

Откуда страсть? Из раненого сердца
Подстреленною птицей в синь небес?!
Из древнего желания согреться
Несбыточностью сказочных чудес?

И что желание, если не агония
Капризами бунтующей крови?!
Пьянящий аромат цветка твоей ладони
Мне ум застелет шорохом любви.

С утра природа дышит снегом,
На лапах елей – рукава.
Звучит симфония метели.
Быть может, ты была права —
И про любовь мы не допели?
Ах, Боже! Кругом голова...
К чему же лишние слова?
Звучит симфония метели.
А значит, ты была права.

Есть пять причин, чтоб ты гордилась мной.
Во-первых, потому, что я – мужчина.
И пусть я не лирический герой,
Но и не трус, – еще одна причина.

Причина третья посылает весть.

Ее принять без гордости нельзя:
Я, как святыню, чту мужскую честь.
Любых наград дороже мне друзья.

Случается, бываю нелюдим.
Прости, родная, есть за мною грех:
Четвертую причину – что любим —
Старательно скрываю я от всех.

Да век – охотник. Возраст – западня.
Еще не знаю, где себя сгублю,
Но чтобы не забыла ты меня,
Есть пятая причина. Я – люблю.

Двенадцать месяцев ведут меня по жизни,
И каждый дружески распахивает дверь;
Раскрою окна. Ну-ка, солнце, брызни
В растаявший от радости апрель.
Апрель-каприза, твой характер тонкий
На шкуре собственной испытываю я:
Сегодня родилась моя девчонка,
Капризная, как ты, но все ж – моя.
Бесись, апрель, слепи тепла лучами,
Пугай ветрами, заливай луга...
Ты – маленькое русское цунами,
Не страшен ты мне больше ни фи́га.
Что толку объявлять войну стихии —
С природой спорят только дураки,
А я – влюбился! И пишу стихи ей,
Хотя и быть им рваными в куски.
Я кровью чувств бокал любви наполню
И выплесну рифмованной строкой:
Глумись, апрель, пьяней моей любовью —
Такою неумелой и слепой.

Радовался дождик:
В середине лета
Родился художник
Из тепла и света.

От травы зеленой
На сыром лугу
Родился влюбленный
В радугу-дугу.

И рисует листья,
Облака, людей,
Окуная кисти
В радугу дождей.

Сыплет, сыплет дождик
Капельки свои...
И живет художник
В радуге любви.

Жизнь прожита. Закат румянит щеки
Уже не мне, но прочему юнцу,
И чудный взгляд красотки синеокой
Лукавством льстит не старому певцу.

Но этот взгляд я украду – невежда.
И в сердце вдруг затеплится надежда.
И с сочных губ – мне, старику,
не лишней —
Твой поцелуй сорву я спелой вишней.

Я живу среди пороков

*Наша жизнь – как следы на воде:
Разойдутся круги и растают.
Годы-птицы сбиваются в стаи,
Чтоб взлететь в «никогда» и «нигде»...*

Я живу среди пороков,
Да и сам я весь – порок.
Одинок я одинокий
Среди тысячи дорог.

И глаза мои калеки —
Костылями по ногам.
И любовь моя навеки —
Еле-еле по слогам.

И во взгляде вдруг читаю:
«Завтра позабудется».
Ни о чем уж не мечтаю —
Все равно не сбудется.

Ах ты жизнь моя шальная!
Не листом шагреновым —
В сад всплывает ночь хмельная
Парусом сиреновым.

Холод выстудил синие стены,
Из окна – догорающий свет.
Нестерпимей становимся все мы
Под стрелой улетающих лет.
Мы стареем, как яблоки в кадке;
Голос груб, взгляд озлоблен и скуп.
И не так уже, милая, сладки
Поцелуи истерзанных губ.
Крылья душ, где же вы обгорели?
Был высок и прекрасен полет.
Неужели, мой Бог, неужели
Наступает последний черед?..

И дни уж не яркие,
И ночи не жарки,
Скупее улыбки,

Глупее подарки.
И требует смелости
Каждый пустяк,
И женские прелести
Дразнят не так...
И вряд ли услышу я
юности зуд,
Когда в поднебесье меня
повезут.
И вряд ли увижу я дождь
и грозу,
Но, может быть, ты мне
подаришь слезу?

Когда мы в отчаянье
От новой беды,
К нам радость случайно
Проглянет из тьмы.

Когда хорошо нам
И сердце поет,
Какое-то горе
Стоит у ворот.

Вот так и живем мы.
И день ото дня
Чего-то находим,
Теряя себя.

Ручейками в тучках рваных
Расплескалась лунь в ночи.
Стынут запахи дурманов —
Луговые кулички.

Август пьяненький в окошко
Прислонится лбом к стеклу,
И взгрустнется мне немножко
По ушедшему теплу.

Скоро утро брызнет светом,
Не разобрана кровать...
Скоро жизнь с другим поэтом
Станет ночками играть...

В саду, где розы расцветали,
Витали запахи весны.
Там вишни, приоткрыв вуали,
Смотрели розовые сны.
Царила ночь, и невозможно
Мне было жаль ушедших лет,
И только звезды осторожно
На розы проливали свет.
Биенье собственного сердца
Вдруг ощутил я в тишине —
И то ли бесы, то ли черти
В лицо расхохотались мне...

Мой бедный брат, тебе на небесах
Уже никто не поднесет бокала.
Да мне и самому осталось мало
С охотниками пьянствовать в лесах.

Мой милый брат, июльской зарей,
Спустя сто лет как ты сыграл без
правил,
Я – грешный Каин – говорю с тобой
С земли, которую навеки ты оставил.

Отсюда, брат, как ни прищурь глаза,
Как ни взреви белугою морскою,
Не видно рая твоего. Слеза
Одна лишь заливается тоскою.

Любимый мой, легко ль тебе в раю,
И видишься ли ты с отцом и с мамой?
Я здесь один остался на краю
Беды, что люди называют драмой.

И, голову на руки уроня,
Я проникаю в горя бесконечность.
И все же, брат, не торопи меня...
Увидимся... У нас в запасе – вечность...

Разбили всё, что только было можно.
В лесу любви одни чернеют пни.
Ступаем меж осколков осторожно,
Чтоб не поранить голые ступни.

Ко всем ручьям завалены тропинки.
И больше нечем жажду утолить.
Ни капельки на сердце, ни слезинки...
Ни верить нет желанья, ни любить.

Я в это окошко стучался ночами,
Когда приходил на свиданье к любимой.
Зачем заложили его кирпичами
И доски стальными гвоздями прибили?

Мы в это окошко сквозь тонкие стекла
Глазами друг другу «люблю» говорили.
Под ним – целовались, под ливнями
мокли...
Какими же юными мы еще были!

Куда так спешат наши краткие годы,
В старух превращая вчерашних невест?
Уж скоро и нам на кирпичном надгробье
Поставят из досок сколоченный крест.

Вы часто счастливых встречали на свете?
Конечно, конечно, – запрыгали дети.
И юноши тотчас цветком расцвели.
Да только вот взрослые взгляд отвели.

Как много друзей на ваш зов отзовется?
Вся наша деревня! – мальчишка смеется.
И юноша к девушке нежно приник.
Да только нахмурился грустный старик.

Всегда ли к столу доставало вам хлеба?
От детского смеха рассыпалось небо.
И юность меня позвала на обед.
Да вот ничего не ответил мне дед.

А долго ли вам упиваться любовью?
Да целую вечность, – распишемся
кровью.
Хотел я у деда узнать про века,
Да так и не смог отыскать старика.

Покуда ты есть...

*Откровение кисти Творца:
Жизнь – уже неизбежность конца.
То, что ныне нам кажется былью,
Завтра станет руинами, пылью.*

Нам время отмерило годы —
как точки отсчета.
На лицах дороги сошлись
колеями морщин.
За наши деянья —
людские грехи и просчеты —
Когда-то и нам
с золоченых воздастся вершин.

Но есть еще круг,
что для жизни земной нам отмерен.
И жив еще друг,
что тебя никогда не предаст.
И женщина та,
в чью любовь ты однажды поверил,
Быть может,
случайно уронит слезинки из глаз.

И значит, ей-Богу,
не надо грустить понапрасну
О чудных мгновеньях,
когда-то испитых судьбой.
Покуда ты есть,
все, что рядом с тобою, – прекрасно.
И все, что прекрасно, —
всегда будет рядом с тобой.

Юрию Пашкову

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.